
ОСОБЕННОСТИ КУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ РУССКОГО И КИТАЙСКОГО НАСЕЛЕНИЯ В ХАРБИНЕ*

Чишков Н. С.**

В статье описывается история русских переселенцев в Маньчжурию, связанная со строительством Китайско-Восточной железной дороги. Рассматриваются особенности взаимодействия двух культур в основном русскими переселенцами в 1898 г. городе Харбине. Делается акцент на событиях, которые оказали наибольшее влияние на культурную особенность города и на то, как культурное взаимодействие русских и китайцев отразилось на городе и населении Харбина. Отдельная часть статьи посвящена созданию русскими переселенцами учебных заведений, которые способствовали сближению двух культур. Преподавание русского языка, литературы и истории местному населению и изучение русскими культуры Китая оказало плодотворное влияние на последующие поколения всего региона.

Ключевые слова: Харбин, Маньчжурия, Китай, Россия, русские переселенцы, русская эмиграция, культурное взаимодействие, сотрудничество.

The article describes the history of Russian settlers in Manchuria related to the construction of the Sino-Eastern Railway. In the article we show the peculiar interaction between two cultures in the Harbin, the city founded by Russian settlers in 1898. The emphasis is put on the events that had the greatest impact on the cultural peculiarity of the city and on how the cultural interaction between the Russians and Chinese affected Harbin's architecture and population. A special section of the article is devoted to the educational institutions created by the Russian settlers, which contributed to the convergence of the two cultures. Teaching the Russian language, literature and history to the local Chinese population and studying the Chinese culture by the Russians had a fruitful impact on future generations of the whole region.

Keywords: Harbin, Manchuria, China, Russia, Russian settlers, Russian emigration, cultural interaction, cooperation.

Исторический аспект проблемы

Особый интерес российского правительства к землям Китая, в частности к Маньчжурии, появляется в первые годы царствования Александра II. Ряд западных государств (Великобритания, Франция и Германия), а также Япония в борьбе за господствующее положение в мире и желая получить доступ к сырьевым ресур-

* Работа выполнена при поддержке РФФИ, проект № 19-11-93002 «Культурно-философские основания китайско-российского сотрудничества».

** Чишков Николай Сергеевич – м. н. с. Института философии РАН. E-mail: nik.fall@gmail.com.

сам Дальнего Востока, оказывая сильное давление на китайское правительство, начинают учреждать свои торговые концессии. Основная цель дальневосточной политики России отличалась от целей Японии и западных стран. Следует отметить, что Россия не стремилась насильственно захватить эту территорию ради добычи ресурсов. Об этом свидетельствуют как записки Министерства иностранных дел, так и личные беседы главы внешнеполитического ведомства, светлейшего князя Александра Михайловича Горчакова с императором. В них он неоднократно отмечал, что первостепенной задачей России на Дальнем Востоке является заключение взаимовыгодного торгового союза с Китаем и укрепление своих границ в связи с нарастающей угрозой со стороны Японии.

Уже при императоре Александре III начинается строительство южной ветки Транссибирской магистрали, которая получила название Китайско-Восточная железная дорога (Харбинская железная дорога). По замыслу инженеров, она должна была сократить Сибирскую магистраль почти на 550 километров. Основная функция, которую должна была выполнять железная дорога, это возможность быстрой переброски войск в Маньчжурию, а также, по мнению С. Ю. Витте, способствовать мирному присоединению Маньчжурии к Российской империи. Помимо этого, железная дорога должна была полностью обеспечить содержание военных гарнизонов, а в дальнейшем способствовать развитию обороны Порт-Артура. Необходимость присутствия военного контингента была обусловлена нарастающей военной активностью Японии на Дальнем Востоке.

В 1896 г. Россия и Китай, заключив военный союз, смогли ратифицировать строительство Китайско-Восточной железной дороги. Спустя два года на железной дороге русскими была основана станция, получившая название Харбин. Создавался город в первую очередь в качестве железнодорожного узла, который должен был обеспечить экономическую стабильность региона. Основателями Харбина были дворяне, инженеры Николай Сергеевич Свиягин, Адам Иванович Шидловский и министр путей сообщения князь Михаил Иванович Хилков. Именно А. И. Шидловский вместе с небольшим отрядом обнаружил место, на котором после был построен Харбин. По мере строительства железной дороги и создания поселений русскими в регионе начинают действовать законы империи, создаются свои суды, полиция и охрана железной дороги.

В середине 1903 г. по Китайско-Восточной железной дороге начинают ходить товарные и пассажирские поезда, что серьезно способствует экономическому росту региона и сильно мешает интересам Японии на территории Китая. В 1904 г. начинается Русско-японская война, в ходе которой Россия потерпела поражение. В результате этой войны часть китайской территории и соответственно железной дороги отошли Японии. Война оказалась убыточной не только для русского, но и для маньчжурского торгового сообщества, которые на тот момент уже почувствовали экономическую выгоду от взаимного сотрудничества. Из-за насильственной оккупации территории Китая Япония не смогла извлечь из победы экономической выгоды. Постоянные диверсии на железной дороге, организованные местным населением из-за репрессивной политики японцев, вынуждали последних содержать там огромные военные силы. Немаловажную роль в экономической несостоятельности Японии сыграл недостаток квалифицированных инженеров, из-за чего ремонт железнодорожных путей серьезно замедлялся.

Со временем Харбин становится экономическим центром Маньчжурии «с широкими проспектами и большими площадями, школами, церквями, больницами, жилыми домами для служащих и рабочих дороги» [Гончаренко 2009], туда же было перемещено правление Общества Китайско-Восточной железной дороги и построено величественное здание Железнодорожного собрания, которое стало центром русской культуры в городе [Нестерова 2019]. Столь стремительное развитие города вызывало все большую необходимость в квалифицированных кадрах, что благоприятствовало бурному потоку новых переселенцев из России. Уже спустя 5 лет после основания города население Харбина приближалось к 45 тыс. человек, из которых русских было более 15 тыс. и 28 тыс. китайцев. Помимо русских и китайцев, в городе проживали польская и еврейская общины. Во многом благодаря администрации Китайско-Восточной железной дороги в Харбине царил атмосфера как религиозной, так и национальной терпимости, что, в свою очередь, содействовало мирному взаимодействию разных культур [Чжан Гуанджи 2019]. По факту в Харбине не действовали никакие национальные ограничения, такие как, например, черта оседлости, что способствовало резкому увеличению еврейского населения города, а в 1909 г. была открыта первая синагога. Доминирующее положение в городе занимали культуры России и Китая, это, в свою очередь, серьезно отразилось на архитектуре города и культурных традициях населения. Если до революции в Харбине, помимо Свято-Николаевского собора, построенного при основании города, было, по разным данным, около пяти-шести православных церквей, то к середине XX в. их насчитывалось уже 22 [Мелихов 2003].

Несмотря на то что русские и китайцы жили в одном городе, селиться они старались в разных районах. В будущем именно районы, заселенные по преимуществу состоятельными русскими, станут центром сосредоточения русской культуры, куда переедут около ста тысяч представителей белой эмиграции [Чжан Цзунуа и др. 2017]. В первую очередь желание раздельной жизни было связано с языковым барьером, мешающим изучать культуры, обычаи и традиции друг друга [Забияко 2016; Ван Кэвень и др. 2018; Чумаков, Стычинский 2018]. Это порождало недоверие между русскими и китайцами, не переходившее тем не менее в межнациональные конфликты. Русские районы Харбина были выстроены по преимуществу в европейском стиле, в то время как в китайских преобладали национальные черты.

В частях города, где жили русские, все было написано по-русски, китайские надписи в этих районах города были большой редкостью. Там строили православные храмы, да и сама жизнь, по воспоминаниям русских, которые вернулись в СССР, мало чем отличалась от жизни в России. С широким размахом отмечались русские национальные праздники, проводились службы в православных храмах. Только некоторые наиболее образованные люди интересовались культурой и традициями Китая, преподавали для интересующихся русских язык и историю Китая. Большая часть русской эмиграции, прожив в Китае многие годы, так и не познакомилась с настоящим Китаем, считая земли, в которых они жили, русскими [Мелихов 1991].

Образование

Дороговизна обучения во Владивостоке и Хабаровске вынудила русских переселенцев задуматься о создании местных учебных заведений. В первую очередь создавались начальные школы и гимназии. Они должны были удовлетворить насущные потребности «дороги, требовавшей новых инженеров, технологов, проектировщиков и специалистов в самых разнообразных областях прикладных наук» [Гончаренко 2009]. К 1916 г. на всей протяженности Китайско-Восточной железной дороги было открыто 19 начальных школ и три гимназии (им. Д. Л. Хорвата, В. Л. Андерса и Я. А. Дризуля), а спустя год после Октябрьской революции их число возросло вдвое [Еропкина 2001].

На первых этапах для преодоления языкового барьера в русских школах были организованы дополнительные курсы для изучения местными китайскими жителями русского языка. О более систематическом изучении китайцами русского языка можно говорить только после революции, когда начали открываться первые школы для китайских учащихся, где преподавание русского языка было неотъемлемой частью обязательной программы. В этой связи следует особо выделить Харбинское коммерческое училище для мужчин: ведь не только китайцы учили русский язык, но и русские учили китайский. Именно там впервые с момента открытия в 1906 г. для учеников русской национальности китайский язык входил в обязательную программу обучения. А с 1911 г. для китайцев были организованы классы, где преподавались русский язык, литература и история.

Все это способствовало более тесному знакомству двух культур. Уже после Октябрьской революции русское население, проживавшее в Китае, составляло порядка 288 тыс. человек [Мелихов 1997], и большая часть проживала в Харбине (155 тыс. человек [Составляющая... 1994]). Русские, будучи самым крупным эмигрантским сообществом в Китае, играли важную роль в культурной, социальной и экономической жизни северо-востока страны [Мяо Хуэй 2015а; 2015б]. Наиболее отчетливо это прослеживается в культуре города Харбина, в его архитектуре, во многом отличной от других городов Китая [Василенко 2005]. По сей день мы можем встретить китайца из Харбина, который грамматически верно говорит на русском языке, знаком с нашей литературой, религией и культурой в целом [Кондаков 2019; Кротова 2019]. Во многом мы обязаны этому русским переселенцам, которые, несмотря на трудности и тягбы жизни, сохраняли и оберегали в тех далеких краях русскую культуру [Русская... 2017; Межкультурное... 2019]. Они считали себя не эмигрантами, а посланниками, которые должны были донести до местного населения русские культурные достижения, традиции и ценности.

Выводы

После завоевания Японией Маньчжурии в 1932 г. было создано государство Маньчжоу-го, что вынудило русских, проживавших на той территории, перемещаться в другие китайские города. Наибольший отток русского населения из Маньчжурии приходится на 1935 г., когда СССР продал свою долю Китайско-Восточной железной дороги. Многие после этого уехали в Советский Союз, и лишь немногочисленная часть, имеющая статус полноправных граждан, уезжала в другие города Китая.

Присутствие русских в Маньчжурии оставило огромный культурный след в истории этого региона [Ли Чуньянь, Пэн Чуаньхуай 2019]. Основанный первыми русскими поселенцами город Харбин в качестве торговой переправы за более чем вековой период своей истории переживал взлеты и падения, оставаясь городом, где мирно взаимодействовали две культуры. В результате образовалась особая городская атмосфера, основанная как на русских, так и на китайских культурных достижениях и ценностях. Харбин стал ярким примером взаимодействия двух культур, гармонично дополняющих как российские, так и китайские национальные особенности. Даже на сегодняшний день мы встречаем китайцев, живущих в Харбине, которые грамматически правильно говорят на русском языке, знают культуру и традиции нашего народа.

Литература

Ван Кэвэнь, Красноярова А. А., Попкова Т. Д., Кондаков Б. В. Формирование русской культуры в Харбине // *Филология в XXI в.* 2018. № 2(2). С. 111–121.

Василенко Н. А. Российская эмиграция в Маньчжурии накануне мировой войны // *Россия и АТР.* 2005. № 2. С. 20–25.

Гончаренко О. Г. *Русский Харбин.* М. : Вече, 2009.

Еропкина О. Русские и китайские школы на КВЖД. 20-е гг. // *Проблемы Дальнего Востока.* 2001. № 3. С. 132–138.

Забяико А. А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск : Новосибирское отделение изд-ва «Наука», 2016.

Кондаков И. В. К методологии анализа межкультурных отношений (на примере России и Китая) // *Культура и цивилизация.* 2019. Т. 9. № 6(1). С. 5–13.

Кротова М. В. Феномен Харбина как полифоничного города // *Historia provinciae: журнал региональной истории.* 2019. Т. 3. № 2. С. 749–785.

Ли Чуньянь, Пэн Чуаньхуай. Культурное наследие русской эмиграции в развитии туристической индустрии в Харбине // *Концепт.* 2019. № 1. С. 244–248.

Межкультурное взаимодействие России и Китая: глобальное и локальное измерение / отв. ред. А. Н. Чумаков, Ли Хэй. М. : Проспект, 2019.

Мелихов Г. В. *Маньчжурия далекая и близкая.* М. : Наука, 1991.

Мелихов Г. В. *Российская эмиграция в Китае (1917–1924 гг.).* М. : Ин-т рос. истории РАН, 1997.

Мелихов Г. В. *Белый Харбин: Середина 20-х.* М. : Русский путь, 2003.

Мяо Хуэй. *Изображение традиционной китайской культуры в русской эмигрантской литературе в Китае: дис. ... канд. культурологии.* Владивосток, 2015а.

Мяо Хуэй. *Русская эмиграция в Харбине: взаимодействие двух культур // Гуманитарный вектор.* 2015б. № 2(42). С. 128–135.

Нестерова Е. И. *Создание общественного управления в Харбине (1906–1910) // Россия и Китай: история и культура.* Казань : Изд-во «Фэн» АН Республики Татарстан, 2019. С. 359–365.

Русская идея и китайский путь в культурном контексте современности / под ред. А. Н. Чумакова, Ли Хэй. М. : РФО; СиДиПрессАрт, 2017.

Составляющая краеведение комиссия района Наньгана Харбина. Харбинские краеведения. Харбин : Изд-во Харбина, 1994.

Чжан Гуанчжи. Многополярное, гармоничное сосуществование, совместное будущее и создание «сообщества единой судьбы» // Век глобализации. 2019. № 2(30). С. 129–135.

Чжан Цзунуа, Цзян Яньхун, Хань Ваньсюань. Русская дворянская эмиграция в Китае после Октябрьской революции // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 5. С. 331–341.

Чумаков А. Н., Стычинский М. С. Культурно-цивилизационный диалог и его возможности в условиях глобального мира // Век глобализации. 2018. № 1(25). С. 3–14.

References

Wang Kewen, Krasnojaraova A. A., Popkova T. D., Kondakov B. V. Formirovanie russkoj kul'tury v Harbine [The Formation of Russian Culture in Harbin] // Filologija v XXI veke. 2018. No. 2(2). Pp. 111–121.

Vasilenko N. A. Rossijskaja jemigracija v Man'chzhurii nakanune mirovoj vojny [Russian Emigration to Manchuria on the Eve of the World War] // Rossijska i ATR. 2005. No. 2. Pp. 20–25.

Goncharenko O. G. Russkij Harbin [Russian Harbin]. Moscow : Veche, 2009.

Eropkina O. Russkie i kitajskie shkoly na KVZhD. 20-e gody [Russian and Chinese Schools on the CER. The 20s] // Problemy Dal'nego Vostoka. 2001. No. 3. Pp. 132–138.

Zabijako A. A. Mental'nost' dal'nevostochnogo frontira: kul'tura i literatura russkogo Harbina [The Mentality of the Far Eastern Frontier: the Culture and Literature of Russian Harbin]. Novosibirsk : Novosibirsk Branch of "Nauka" Publishing House, 2016.

Kondakov I. V. K metodologii analiza mezhcivilizacionnyh otnoshenij (na primere Rossii i Kitaja) [On the Methodology of Analysis of Inter-Civilization Relations (On the Example of Russia and China)] // Kul'tura i civilizacija. 2019. Vol. 9. No. 6(1). Pp. 5–13.

Krotova M. V. Fenomen Harbina kak polifonichnogo goroda [Harbin Phenomenon as a Polyphonic City] // Historia provinciae – zhurnal regional'noj istorii. 2019. Vol. 3. No. 2. Pp. 749–785.

Li Chunyan, Pen Chuanhuai. Kul'turnoe nasledie russkoj jemigracii v razvitii turesticheskoi industrii v Harbine [The Cultural Heritage of Russian Emigration in the Development of the Tourism Industry in Harbin] // Nauchno-metodicheskij jelektronnyj zhurnal Koncept. 2019. No. 1. Pp. 244–248.

Mezhkul'turnoe vzaimodejstvie Rossii i Kitaja: global'noe i lokal'noe izmerenie / [Intercultural Interaction Between Russia and China: A Global and Local Dimension] / Ed. by A. N. Chumakov, Li Hay. Moscow : Prospect, 2019.

Melihov G. V. Man'chzhurija dal'jokaja i blizkaja [Manchuria is Far and Near]. Moscow : Nauka, 1991.

Melihov G. V. Rossijskaja jemigracija v Kitae (1917–1924 gg.) [Russian Emigration to China (1917–1924)]. Moscow : Institute of History RAS, 1997.

Melihov G. V. Belyj Harbin: Seredina 20-h [White Harbin: Mid 20s]. Moscow : Russkij put', 2003.

Miao Hui. *Izobrazhenie tradicionnoj kitajskoj kul'tury v russkoj jemigrantskoj literature v Kitae* [Image of Traditional Chinese Culture in Russian Émigré Literature in China]: PhD Dissertation (Culturology). Vladivostok, 2015a.

Miao Hui. *Russkaja jemigracija v Harbine: vzaimodejstvie dvuh kul'tur* [Russian Emigration in Harbin: the Interaction of Two Cultures] // *Gumanitarnyj vector*. 2015b. No. 2(42). Pp. 128–135.

Nesterova E. I. *Sozdanie obshhestvennogo upravlenija v Harbine (1906–1910)* [Creation of Public Administration in Harbin (1906–1910)] // *Rossija i Kitaj: istorija i kul'tura* [Russia and China: History and Culture]. Kazan : Fen Publishing House of the Tatarstan Republic Academy of Sciences, 2019. Pp. 359–365.

Russkaja ideja i Kitajskij put' v kul'turnom kontekste sovremennosti [The Russian Idea and the Chinese Way in the Cultural Context of Our Time] / ed. by A. N. Chumakov, Li Hay. Moscow : RFS; CDPRESSArt, 2017.

Sostavljajushhaja kraevedenie komissija rajona Nan'gana Harbina. Harbinskie kraevedenija [The Nangang Harbin District Commission of Local History. Harbin Local History]. Harbin : Harbin Publishing, 1994.

Zhang Guangzhi. *Mnogopoljarnoe, garmonichnoe sosushhestvovanie, sovместное budshhee i sozdanie “soobshchestva edinoj sud'by”* [Multipolar, Harmonious Coexistence, Shared Future and the Creation of a “Community of One Destiny”] // *Vek globalizatsii*. 2019. No. 2(30). Pp. 129–135.

Zhang Zongua, Jiang Yanhong, Han Wanxuan. *Russkaja dvorjanskaja jemigracija v Kitae posle Oktjabr'skoj revoljucii* [Russian Noble Emigration in China after the October Revolution] // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik*. 2017. No. 5. Pp. 331–341.

Chumakov A. N., Stychinskij M. S. *Kul'turno-civilizacionnyj dialog i ego vozmozhnosti v uslovijah global'nogo mira* [Cultural and Civilizational Dialogue and Its Capabilities in a Global World] // *Vek globalizatsii*. 2018. No. 1(25). Pp. 3–14.